

A detailed oil painting of Catherine the Great in profile, facing left. She has an elaborate powdered wig adorned with pearls and a diamond tiara. She is wearing a blue dress with a white lace collar and a large diamond brooch. The background is a dark, muted green.

история
за **час**

ЕКАТЕРИНА
ВЕЛИКАЯ

История за час

Екатерина Великая

«Азбука-Аттикус»

2015

Екатерина Великая / «Азбука-Аттикус», 2015 — (История за час)

Императрицу Екатерину II недаром нарекли Великой. В годы ее царствования многое изменилось в России: держава приросла новыми землями, развивались науки и искусства, осуществились важнейшие административные и социальные реформы. Екатерина правила Российской империей более трех десятков лет, и эти годы были названы золотым веком. Книга рассказывает, как формировалась незаурядная личность будущей императрицы, о ее трудном пути к престолу, о великих победах и тяжких невзгодах этой блистательной женщины.

, 2015

© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Введение	6
Детство Екатерины	8
Невеста наследника	11
Первые шаги	14
Великая княгиня	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Светлана Бестужева
Екатерина Великая. История за час

© Текст, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2015
КоЛибри®

Введение

Во второй половине XVIII в. на севере Европы возшла ослепительная звезда необыкновенной женщины, новой русской императрицы Екатерины Второй, которую поэты славили под именем Северной Семирамиды, а философы гордились честью лично переписываться с нею. С ее именем русская армия одерживала громкие победы, она вывела Россию на путь могущества и процветания.

Но эта великая русская государыня, эта женщина, перед которой склонились великие державы, эта «царица-матушка», чтимая миллионами российских людей, изначально была всего лишь неизвестной немецкой принцессой, волею случая попавшей в Россию, волею случая вознесенной на престол, но собственной стальной волей придавшей ему неведомые доселе блеск и величие.

Последняя самодержица российская, давшая свое имя целому веку...

Смутный период в истории России, когда императоры и императрицы менялись на троне по прихоти высшей аристократии, закончился приходом к власти – на штыках гвардейцев – «дщери Петровой», императрицы Елизаветы. Она свергла с трона императора-младенца Иоанна VI, своего двоюродного внучатого племянника, отправила его родителей в вечную ссылку и стала думать над тем, как обезопасить собственное правление и продолжение династии.

Елизавета никогда не была замужем, законных детей у нее не было. Зато имелся племянник, сын старшей, рано умершей сестры Анны, герцог Голштинский Петр-Ульрих. Подростка привезли в Санкт-Петербург, быстро крестили в православие под именем Петра Федоровича и стали искать ему достойную пару.

Увы, от деда и от матери он не унаследовал ничего: Елизавета понимала, что из взбалмошного, недалекого, злоупотребляющего алкоголем наследника не выйдет достойного правителя. Надежда была только на министров, которые будут окружать его, да на жену, которую Елизавета ему подыщет.

Прусский король Фридрих Второй, обладавший острым умом и политической дальновидностью, тоже думал о том, что русскому двору вскоре понадобится невеста и что искать ее, несомненно, станут среди немецких принцесс. Фридриху нужна была девушка не слишком высокого происхождения (дабы не укреплять положение России родственными связями), подходящая на роль проводника прусских интересов при российском дворе. Он предложил принцессу Ангальт-Цербстскую, дочь своего фельдмаршала: Фридрих хорошо знал ее мать и имел на нее сильное влияние.

Однако окончательный выбор был продиктован сентиментальностью Елизаветы Петровны: дядя будущей невесты наследника и родной брат ее матери, епископ Любекский, был когда-то обрученным женихом юной Елизаветы. Она сохранила о нем, рано умершем, самые нежные воспоминания.

Зимой 1744 г. пятнадцатилетняя принцесса София Августа Фредерика была приглашена в Россию для бракосочетания с Петром Федоровичем, который приходился ей троюродным братом. 10 января принцесса Фике с матерью тайно, под именем графинь Рейнбек, выехали в Россию. В скудном багаже принцессы было несколько сорочек, три платья и – главное! – медный кувшин для умывания. Принцесса им особенно гордилась.

Фике была как в тумане: перспектива стать российской великой княгиней, а впоследствии императрицей превосходила самые смелые ее чаяния.

«Что ж? – писала она годы спустя, – меня воспитывали, чтобы я вышла замуж за какого-нибудь мелкого соседнего принца, и соответственно этому меня и учили всему, что тогда требовалось. Ни я, ни мадемуазель Кардель ничего этого не ожидали»¹.

Да и как можно было такого ожидать?

¹ *Валишевский К.* Роман императрицы. Екатерина II. Пер. с фр. М.: Терра – Книжный клуб, 2003.

Детство Екатерины

21 апреля (2 мая) 1729 г. в небольшом германском городке Штеттин у герцога Христиана-Августа Ангальт-Цербстского и его супруги Иоганны-Елизаветы, урожденной принцессы Голштинской, родился первенец. В письме прусскому королю, датированном вышеуказанным днем, герцог сообщает о рождении дочери. Это непреложный факт.

Однако позднее некоторые биографы, а следом за ними и историки стали приписывать отцовство... самому прусскому королю Фридриху, который тогда был еще шестнадцатилетним наследным принцем. С ним молодая герцогиня Ангальт-Цербстская действительно часто встречалась в 1728 г., но и только.

Иоганна-Елизавета к тому же часть этого года провела в Париже, поэтому отцом Екатерины многие считали и русского вельможу Ивана Бецкого, незаконного сына князя Трубецкого, который находился там при русском посольстве. «Неопровержимым доказательством» его отцовства является, по мнению некоторых историков, то, что императрица Екатерина очень почтительно относилась к этому вельможе и, посещая его, уже прикованного годами и недугами к инвалидному креслу, целовала ему руку.

Ни с Фридрихом Великим, ни с Иваном Бецким у Екатерины не было ни малейшего физического сходства. Принц Христиан-Август никогда в своем отцовстве не сомневался, хотя был разочарован тем, что его первенец – девочка. В истории же его имя сохранилось лишь благодаря Софии Августе Фредерике, или для домашних Фикхен, Фике.

Вскоре после рождения дочери родители ее переселились в штеттинский замок: герцог, состоявший на службе у прусского короля и уже получивший чин генерал-майора, был назначен командиром пехотного полка, расквартированного в Штеттине. На улицах этого города и играла с другими детьми маленькая Фике, причем никому из ее приятелей и приятельниц в голову не приходило величать ее по титулу.

Фике получила домашнее образование. Обучалась английскому, французскому и итальянскому языкам, танцам, музыке, основам истории, географии, богословия. Она росла резвой, любознательной, шаловливой девчонкой, презирала кукол и вечно разбивала себе коленки. Родители были недовольны «мальчишеским» поведением дочери, но ничего поделать не могли.

Помимо гувернантки-француженки, мадемуазель Кардель, воспитанием принцессы занимались капеллан-француз, француз – учитель чистописания и два немца – учителя немецкого языка и музыки. Впоследствии Екатерина вспоминала первых воспитателей своей юности с умилением и благодарностью. Гувернантка давала ей читать Расина, Корнеля и Мольера, а помимо этого передала склад своего ума – чисто парижского, живого и непосредственного.

Мать воспитывала старшую дочь по своему разумению – пощечинами по поводу и без, повинуюсь «не разуму, а настроению», но главным образом – своему вздорному характеру, типичному для представительницы нескольких поколений германских мелких князьков. Герцогиня, женщина неблестящего ума, отличалась склонностью к интригам, лживостью, мелким честолюбием.

После того как Фике стала российской великой княгиней, мадемуазель Кардель получила от нее в подарок дорогие меха. Матери Екатерина «воздала почести» тем, что почти двадцать лет выплачивала сделанные герцогиней по всей Европе долги и лишь вскользь упомянула ее в своих «Записках».

Семья Фике много путешествовала: девочка объездила практически всю Германию. В 1739 г. в Берлине принцесса София впервые увидела того, с кем впоследствии ее свяжут брачные узы, – сына двоюродного брата матери Петра-Ульриха Голштинского. Ей было тогда десять

лет, а ему – одиннадцать. Нельзя сказать, чтобы эта встреча оставила у принцессы благоприятное впечатление.

Зато другая случайная встреча – с католическим священником, увлекавшимся хиромантией, – оставила в душе Фике неизгладимый след. На ее руке предсказатель разглядел три короны.

Обрести корону, найдя подходящего мужа, – вот в чем состояла мечта любой немецкой принцессы! Не была исключением и София-Фредерика: как всякая девочка из высокородной семьи, близкой к правящей элите, она предназначалась для брака, по возможности с представителем королевской или императорской семьи, и безропотного исполнения супружеских и материнских обязанностей.

Сама Екатерина в своих «Записках» впоследствии отмечала: «Я осмелюсь утверждать относительно себя, если только мне будет позволено употребить это выражение, что я была честным и благородным рыцарем, с умом несравненно более мужским, нежели женским; но в то же время внешним образом я ничем не походила на мужчину; в соединении с мужским умом и характером во мне находили все приятные качества женщины, достойной любви; да простят мне это выражение, во имя искренности признания, к которому побуждает меня мое самолюбие, не прикрываясь ложной скромностью»².

К этому определению можно добавить тонкое замечание историка Ключевского о том, что будущей Екатерине Великой с детства внушали, что она некрасива. Это рано заставило ее учиться искусству нравиться, искать в душе то, чего недоставало ее наружности. Принцесса испытала слишком мало родительской любви и отказалась от мысли дарить собственные искренние чувства кому бы то ни было. Истинная любовь была чужда девочке, чьи мысли с детских лет занимали лишь мысли о собственном возвышении, которое должно было компенсировать вечно ущемленное самолюбие.

² Собственноручные записки императрицы Екатерины II. Екатерина II. Сочинения / Сост. и примеч. В. К. Былинина и М. П. Одесского. М.: Современник, 1990.

Герцог Христиан-Август Ангальт-Цербстский. Копия неизвестного художника с картины Антуана Пэна

Перед отъездом в Россию отец дал дочери подробные наставления, как ей надлежит себя вести в чужой стране.

Но юная принцесса уже тогда предпочитала жить собственным умом, не подпадая под чье-то влияние. Она сама ставила перед собой цели и сама добивалась их. Отметим, что, отправляясь в Россию, Фике вовсе не намеревалась стать самодержицей. Выдающаяся личность могла бы никогда не раскрыться, будь ее нареченный умным и сильным человеком. Или хотя бы просто нормальным мужчиной.

Вместо этого ей достался скудный умом, нервный и крайне инфантильный субъект, прославившийся лишь своим самодурством и малодушием, глупостью и крайней болтливостью.

Но, как писала впоследствии Екатерина в одном из писем, «...на этом свете препятствия созданы для того, чтобы достойные люди их уничтожали и тем умножали свою репутацию; вот назначение препятствий».

Невеста наследника

Екатерина не потратила даром ни одной минуты с тех пор, как оказалась в России. То, что она успела проделать за полтора года, до официального бракосочетания с Петром, человек со средними способностями осилил бы лет за десять, если не за пятнадцать. При этом она постоянно находилась в центре внимания окружающих, далеко не всегда доброжелательного, и должна была просчитывать наперед каждый свой поступок или слово.

С невероятным для столь юной девушки упорством София начала усиленно осваивать русский язык. Вставала по ночам и, расхаживая по комнате, твердила странные, почти непроницаемые для немки слова: «борщ», «щи», «извозчик». Еще более основательно девушка принялась изучать каноны православной религии и особенно различия между православием и лютеранством.

Она прекрасно поняла уже через месяц после приезда в Россию, что без обращения в православие ей не победить и она так и останется немецкой принцессой, чужой для русских людей. А это в ее планы никоим образом не входило.

Хотя отец, напутствуя ее, запретил категорически даже думать о смене веры и сослался на пример супруги царевича Алексея, старшего сына Петра Великого, через некоторое время София преспокойно заявила, что видит слишком мало различий между религиозными правилами для того, чтобы это могло препятствовать принятию ею православия. Это сразу расположило к ней и императрицу, и большинство придворных.

К тому же юная принцесса уже тогда искренне считала, что может принести России много пользы. Но для этого ей надлежало «сделаться более русской, чем сами русские» – и она с пылом и упорством, а также чисто немецкой педантичностью продолжала осваивать русский язык и православные каноны. Она так усердствовала, что едва не умерла: сильно простудилась, сидя за учебниками по ночам на свирепых дворцовых сквозняках босая и в неглиже.

Но когда речь зашла о том, что пора приглашать духовника и что надобно как можно скорее сыскать лютеранского пастора, больная с трудом прошептала:

– Не надо пастора... Я уже считаю себя православной... зовите батюшку.

Будучи практически при смерти, София сумела использовать ситуацию, зная, что о ее необычной просьбе тут же доложат императрице. Так и произошло. Елизавета умилилась, прослезилась и приказала придворным медикам вылечить невесту наследника во что бы то ни стало, под страхом жесточайшего наказания. И ее вылечили!

Елизавета по достоинству оценила рвение будущей невестки, и через полгода после прибытия в «страну медведей» София приняла православие, навсегда превратившись в Екатерину (имя было выбрано в честь Екатерины Первой, матери императрицы) и продемонстрировав пристально наблюдавшему за ней двору и дипломатическому корпусу «исключительное благочестие»: она аккуратно исполняла обряды, выказывала познания в православии и духовный восторг от силы религии.

Выстрел оказался на редкость метким. Во-первых, умница Екатерина расположила к себе не только императрицу и двор, но и значительную часть народных масс. А во-вторых, она ловко противопоставила себя будущему супругу, который, кстати, прибыл в Россию лишь годом ранее ее самой и должен был проникнуться как минимум уважением к народу, которым собирался управлять.

Пожалуй, ничто так не поражало дипломатов и высокопоставленных чиновников в характере великой княгини, как ее железная воля. Благодаря ей девушка проглатывала бесчисленные книги, рекомендованные ей для чтения: большую часть изданий ей любезно предоставляла Академия наук, а остальные присылались из-за границы.

Обладая привлекательной внешностью, Екатерина быстро расположила в свою пользу и Елизавету, и двор. Равнодушным к ее чарам остался лишь... жених, великий князь Петр Федорович, почему-то невлюбивший свою невесту-кузину с первого взгляда. Впрочем, и сама Екатерина, нужно отдать ей должное, в своих записках откровенно признавалась, что российская корона ей нравилась много больше жениха.

Воля руководила ее рассудком, держа его холодным и заставляя не реагировать на злобные безумные замечания Петра. Последний, казалось, задался целью известить невесту еще до свадьбы. То он сообщал ей, что влюблен в какую-то фрейлину, а ее не любит; то объявлял, что желал бы расстаться с нею; то мучил холодностью и сумасшедшим пристрастием к «увеселениям» и игре в солдатики.

Родной внук Петра Великого и двоюродный внук шведского короля Карла XII так и не сумел полюбить русский народ; он относился к России легкомысленно, с долей едкой иронии, на что страна отвечала ему еще более откровенной неприязнью. Зная о небрежности Петра к религиозным обрядам и потому подчеркнуто демонстрируя свое благоговение перед православной верой, Екатерина забила первый серьезный клин между Петром и политической элитой России, которая всегда влияла на выбор монарха в беспокойное время.

На следующий день после перехода Екатерины в православие состоялось ее обручение с будущим императором. И почти сразу после церемонии великий князь заболел черной оспой – бичом Европы того времени. Надежд на выздоровление было так мало, что родственники уже начали подыскивать Екатерине другого мужа.

Но ей уже не нужен был другой: не было ни малейшего желания спускаться с достигнутых высот в привычное болото. Почувствовавшая свою силу Екатерина просто приказала матери замолчать и не докучать ей рассуждениями о новом браке. Это, разумеется, тоже стало известно императрице и послужило еще более теплым отношением к будущей невестке.

К всеобщей великой радости, жених выздоровел, и Екатерине даже удалось весьма умело скрыть ужас и отвращение при виде сильно изуродованного лица юноши. Хотя, оставаясь в одиночестве и Екатерине убедившись, что за ней не следят, порой давала волю горьким слезам. Жизнь с уродом и дураком представлялась ей кошмаром, но все же стоила российской короны.

К свадьбе готовились долго и старательно, день торжества несколько раз откладывали, потому что императрица Елизавета хотела устроить по-настоящему великолепный праздник.

Польский историк Валишевский писал: «В России не бывало еще церемонии подобного рода. Брак царевича Алексея, сына Петра I, совершился в Торгау, в Саксонии, а до него наследники московского престола не были будущими императорами. Написали во Францию, где только что отпраздновали свадьбу дофина; справились и в Саксонии. Как из Версаля, так и из Дрездена пришли самые точные описания, даже рисунки, изображающие малейшие подробности торжества; их надлежало не только повторить, но и превзойти. Как только вскрылась Нева, стали приходить немецкие и английские пароходы, привозя экипажи, мебели, материи, ливреи, заказанные во всей Европе. Тогда носили узорчатые шелка с золотыми и серебряными цветами на светлом фоне...»

Английский посланник лорд Джон Гиндфорд отмечал в своих депешах, что он «...никогда не видывал кортежа более великолепного, чем тот, что сопровождал Екатерину в Казанский собор. Церковный обряд начался в десять часов утра и кончился лишь в четыре часа пополудни. Православная церковь, по-видимому, добросовестно отравила свои обязанности. В продолжение последующих десяти дней празднества шли непрерывной чередой. Балы, маскарады, обеды, ужины, итальянская опера, французская комедия, иллюминации, фейерверки – программа была полная».

Герцогиня Ангальт-Цербстская оставила нам любопытное описание самого интересного дня – дня бракосочетания: «Бал продолжался всего полтора часа. Затем ее императорское величество направилась в брачные покои, предшествуемая церемониймейстерами, обер-гоф-

мейстером ее двора, обер-гофмаршалом и обер-камергером двора великого князя; за ней шли новобрачные, держась за руку... Когда великая княгиня была готова, ее императорское величество прошла к великому князю и привела его к нам. Ее императорское величество преподала им свое благословение; они приняли его, стоя на коленях. Она их нежно поцеловала и оставила...»

Первые шаги

Через месяц герцогине Иоганне-Елизавете пришлось оставить русский двор, хотя ей очень этого не хотелось: она привыкла к здешней роскоши и не хотела возвращаться в Цербст, казавшийся ей теперь убогим. Но Елизавета была непреклонна. В ее руки попали письма герцогини к прусскому королю, шпионкой которого, как выяснилось, она была. Целью Фридриха было удалить от дел канцлера Бестужева, проводившего антипрусскую политику, и заменить его другим вельможей, симпатизировавшим Пруссии.

Однако Бестужеву удалось перехватить письма герцогини Фридриху II и предъявить их Елизавете Петровне. Императрица, узнав о той роли, которую играла при ее дворе будущая теща наследника, до свадьбы выслала ее в длительную поездку по окрестностям Санкт-Петербурга, а после бракосочетания, невзирая на слезы и мольбы герцогини, немедленно выставила ее из страны без права вернуться.

– Ты ни в чем не виновата, – ласково сказала она Екатерине, – это матка твоя тут дел натворила.

А тем временем дочь Иоганны-Елизаветы, в прошлом – принцесса Фике, а теперь – шестнадцатилетняя великая княгиня Екатерина Алексеевна, делала первые шаги к своему будущему, которое в истории останется как «золотой век Екатерины».

Екатерина действовала исключительно последовательно, ее стратегия весьма походила на стратегию выдающихся государственных деятелей, полководцев и завоевателей. В бумагах Екатерины была найдена шуточная автоэпитафия, которую она написала в 1778 г. Вот отрывок из нее: «Четырнадцать лет от роду она составила тройной план: понравиться своему супругу, Елизавете и народу – и ничего не забыла, чтобы преуспеть в этом».

Энергичная молодая женщина сама организовала свой жизненный уклад. Находясь почти в полном одиночестве, не считая слуг, в течение восемнадцати лет она усердно и необычайно терпеливо занималась самообразованием, изучая историю, литературу, философию и искусство управления государством. Это была мотивированная работа, принимая во внимание ее размышления даже о реформах в России.

Кроме того, она ненавязчиво создавала свой образ в среде политической элиты, понимая, что поддержка в критический момент может оказаться для нее бесценной. Она производила неизгладимое впечатление на лучших мужчин своего времени, пуская в ход наиболее действенное женское оружие – обаяние вкупе с тонким расчетливым умом. Историки упоминают даже такие хитроумные действия Екатерины, как задабривание во время различных приемов и вечеринок старушек с использованием громадного арсенала средств: от терпеливого выслушивания их маразматических историй до изучения дат их именин и неизменных поздравлений. Эти старушки внесли свою лепту в создание общественного мнения о великой княгине.

«Не прошло и двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всех сторон и разлилась по всей России», – писала потом императрица в своих «Записках».

Великая княгиня

Решение императрицы Елизаветы Петровны выслать из страны беспокойную родственницу, очевидного агента Фридриха, сама дочь восприняла скорее с облегчением, чем с сожалением: она вовсе не желала стать прусским агентом в России. Более того, она старалась не упоминать о своем немецком происхождении.

Иоганна-Елизавета Гольштейн-Готторпская. Неизвестный художник. Фото: Shakko (Wikipedia user Shakko)

Определенная мнительность – как бы вдруг кому-нибудь не показалось, что она защищает не национальные российские, а чьи-то иностранные, особенно прусские, интересы, – была

свойственна ей еще довольно долго. Узнав, что ее родной брат собирается посетить Россию, она с неудовольствием заметила:

– Зачем? В России и без него немцев предостаточно.

За время правления Екатерины Второй ни один ее родственник не был допущен в Российскую империю.

Уже в то время проявилась необычная склонность Екатерины к авантюрам. Она, например, порой вставала в три часа утра и в мужской одежде с одним только егерем отправлялась на охоту или рыбалку, выходя даже в открытое море на утлой лодочке. Екатерина подолгу скакала верхом, нередко забираясь в глубину лесной чащи и не страшась одиночества, – этой страстной натуре нужны были потрясения и периодические разрядки.

«В это время также у меня в кармане постоянно бывала книга, которую я принималась читать, как скоро была одна», – вспоминала она позже. Зажатая в тиски политики, придавленная безликостью Петра, она жила, продолжая готовить себя к миссии, – так Цезарь во время десятилетней Галльской войны готовился перейти Рубикон.

Даже в самые трудные для нее времена, когда ее третировал муж, а «тетушка Елизавета» маниакально добивалась от нее рождения наследника, Екатерину не покидала мысль о русском престоле.

«Одно честолюбие меня поддерживало, – признавалась Екатерина в своих «Записках», – в глубине души моей было я не знаю что такое, что ни на минуту не оставляло во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь своего, сделаюсь самодержавной русской императрицей... Все, что я ни делала, всегда клонилось к этому, и вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть».

Парадоксально, но главным ее помощником на пути к трону стал сам великий князь Петр Федорович. Нужно было лишь внимательно следить за ним и делать все наоборот. Полукровка Петр-Ульрих не хотел быть русским, не хотел учить русский язык, одеваться в русское платье, не скрывал ненависти к православию, во всем опирался исключительно на своих приятелей из Гольштейна, которые не уставали напоминать ему, что его первоначальным предназначением был шведский престол.

За годы, проведенные в России, Петр никогда не делал попыток лучше узнать страну, ее народ и историю, он пренебрегал русскими обычаями, вел себя неподобающим образом во время церковной службы, не соблюдал посты и другие обряды.

«Слишком поздно ему стали внушать сознание его великого предназначения, чтобы ждать от этого внушения скорейших плодов. Он даже по-русски так и не выучился и говорил на этом языке редко и весьма дурно», – замечал один из его современников³.

Когда в 1751 г. великий князь узнал, что его дядя стал шведским королем, он молвил с изрядной долей желчи: «Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя государственным арестантом, тогда как если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа».

Чистокровная немка Екатерина делала все, чтобы обрусеть: упорно и успешно учила русский язык, при любой возможности одевалась в русское платье (будучи уже на престоле, даже создала, как утверждают специалисты, целое направление в моде), подчеркнуто чтит все православные обычаи, предпочитала окружать себя русскими людьми.

Императрица Елизавета старела, а долгожданного внука все не было. Первые годы совместной жизни Петр совершенно не интересовался женой, и супружеских отношений между ними не существовало. Об этом Екатерина написала позже: «Я очень хорошо видела, что вели-

³ Слова Никиты Ивановича Панина. «Русский Архив», 1879. Кн. 1. Вып. 3.

кий князь меня совсем не любит; через две недели после свадьбы он мне сказал, что влюблен в девицу Карр, фрейлину императрицы. Он сказал графу Дивьеру, своему камергеру, что и сравнения нет между этой девицей и мною. Дивьер утверждал обратное, и он на него рассердился; эта сцена происходила почти в моем присутствии, и я видела эту ссору. Правду сказать, я говорила самой себе, что с этим человеком я непременно буду очень несчастной, если и поддамся чувству любви к нему, за которое так плохо платили, и что будет с чего умереть от ревности безо всякой для кого бы то ни было пользы.

Итак, я старалась из самолюбия заставить себя не ревновать к человеку, который меня не любит, но, чтобы не ревновать его, не было иного выбора, как не любить его. Если бы он хотел быть любимым, это было бы для меня нетрудно: я от природы была склонна и привычна исполнять свои обязанности, но для этого мне нужно было бы иметь мужа со здравым смыслом, а у моего этого не было».

Действительно, семь-восемь лет брак оставался сугубо формальным. За эти годы между супругами возникло не только отчуждение, но и взаимная неприязнь. Петр, пытаясь скрыть свое унижение за шутовством и бравадой, все больше злился на жену за то, что она знала тайну: Петр Федорович имел врожденное несовершенство, которое сам считал неизлечимым, но которое возможно было исправить хирургическим путем – обыкновенным обрезанием.

Елизавета, с изрядным опозданием узнав об этом, забила тревогу и призвала на помощь врачей, которые заодно констатировали целомудренность Екатерины. Последнее повергло императрицу в настоящий шок: она полагала, что невестка бесплодна и уже размышляла о разводе и новой жене для племянника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.